

7. Джавахян, Р.М. Совершенствование форм участия граждан в осуществлении правосудия как механизм конституционного преобразования судебной власти / Р.М. Джавахян // Российский юридический журнал. 2017. № 2. С. 45-54.

8. Панченко, В.Ю. Правовое взаимодействие как вид социального взаимодействия: монография / В.Ю. Панченко. М.: Проспект, 2015. 232 с.

9. Плетников, В.С. Первый шаг в формировании нормативной модели общенародного советского государства: проблемы и значение для современной России (на примере отечественного конституционного законодательства) / В.С. Плетников // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 5. С. 16-21.

УДК 340.130

**СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ
КОМПЕНСАТОРНОГО ПОДХОДА В СОВРЕМЕННОЙ
ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА**

Тепляшин Павел Владимирович

доктор юридических наук, доцент

Сибирский юридический институт МВД России,

г. Красноярск, Россия

email: pavlushat@mail.ru

Аннотация: Продемонстрировано, что в настоящее время правовые регуляторы отстают от стремительно растущих потребностей личности. Показаны отдельные юридические лакуны и правовые коллизии в регулировании общественных отношений. Представлена роль парадигмы солидаризма, справедливости, интерактивности и когнитивных особенностей личности в правотворческой и правоприменительной деятельности государства. Делается вывод об отставании праворегуляторной деятельности от реальных потребностей общества в закреплении, обеспечении и (или) соблюдении правового статуса лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: биологические потребности, естественное право, интересы личности, личностно-ориентированные потребно-

сти человека, правоприменительная практика, уголовно-исполнительная область, уязвимые категории граждан.

SOCIO-LEGAL CONDITIONALITY OF THE IMPLEMENTATION OF THE COMPENSATORY APPROACH IN THE MODERN LEGISLATIVE AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES OF THE STATE

Teplyashin Pavel Vladimirovich

doctor of legal sciences, associate professor

**Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Krasnoyarsk, Russia**

email: pavlushat@mail.ru

***Abstract:** It is demonstrated that legal regulators are currently lagging behind the rapidly growing needs of the individual. Separate legal gaps and legal conflicts in the regulation of public relations are shown. The role of the paradigm of solidarity, justice, interactivity and cognitive characteristics of the individual in the law-making and law-enforcement activities of the state is presented. It is concluded that the legal regulatory activities lag behind the real needs of society in securing, ensuring and (or) observing the legal status of persons with disabilities.*

***Keywords:** biological needs, natural law, interests of the individual, personality-oriented human needs, law enforcement practice, penal enforcement area, vulnerable categories of citizens.*

Современное государство находится в состоянии перманентной нормотворческой и правоприменительной «турбулентности», которая, с одной стороны, начинает нивелировать классические представления о природе права, а точнее о регуляторных функциях права, с другой – заставляет как законодателя, так и правоприменителя кардинально корректировать приемы и способы своей деятельности, причем зачастую «что называется с колёс»!

В этих условиях особое значение приобретает компенсаторный подход в законодательной и правоприменительной деятельности, который характеризуется лично-ориентированным, прогрессивным и интерактивным отношением к норме права и механизмам её применения. Специфика компенсаторного подхода заключается в его практикоориентированности и полезности по принципу «здесь и сейчас», что предполагает высокую степень мобильности и оперативно-

сти принимаемых законотворческих и правоприменительных решений либо их приемлемости для стремительно трансформирующихся общественных отношений.

В контексте компенсаторного подхода в законотворческой и правоприменительной деятельности следует иметь ввиду универсальность права, заключающуюся в её цивилизационном отражении интересов не отдельно взятых социальных групп, но в её обеспечении общечеловеческой справедливости. Кроме того, право ориентировано на охрану социальных групп, общества, государства и даже международного сообщества. Однако, в реальной действительности такие «противоречия» встречаются достаточно часто. Это вызвано процессом, который условно можно назвать «гиперинфляцией права» (не подменяем термином «девальвация права»), то есть ростом числа правовых регуляторов персональных интересов личности, что, в свою очередь, обусловлено возрастанием в жизни современного человека различных биологических потребностей, общественных установок, личностных притязаний. При этом активное использование информационно-телекоммуникационных технологий обеспечивает высокую скорость «оборота» интересов личности, а бесконечное многообразие элементов современной системы «спрос – предложение» отчасти сглаживает волевые способности человека. В таких условиях появляется критическое представление относительно определения закона Георгом Гегелем: «Закон есть абстрактное выражение всеобщей, в себе и для себя существующей воли». В свою очередь шестой технологический уклад и эскалация естественно-научных знаний ставит под сомнение реалистичность доктринальной идеи о том, что естественное право должно соответствовать смыслу положительного права и выступать мерилем прогрессивности, реакционности и даже авангардности права, реализованного в конкретно взятом государстве в современных исторических условиях.

Однако расширение прав граждан – это во многом гарантия, как ни странно, мирного сосуществования, с одной стороны, общества и государства, с другой – государства и общества. Такое взаимопонимание отражает моральные принципы и противопоставляется явлениям негативным и враждебным человеческой природе. Ведь не случайно ст. 2 Конституции Российской Федерации закрепляет важнейший постулат о том, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Иными словами, взаимодействие государства и личности противопоставлено кон-

фликтности, базируется на идее личностно-ориентированного и интерактивного отношения к норме права и механизмам её применения.

В современном мире правовые регуляторы начинают отставать от стремительно растущих потребностей личности. Соответственно, образуются юридические лакуны и правовые коллизии в регулировании общественных отношений. В этих условиях крайне важно использовать компенсаторный подход в законотворческой и правоприменительной деятельности. Например, 1 января 2021 года вступил в силу федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который направлен на регулирование оборота криптографических финансовых средств. Однако данный закон распространяет свое действие не на все типы криптовалюты (в частности, «выпали» из сферы его действия используемые в электронной коммерции сертификаты). Также остался юридической лакуной вопрос о регулировании так называемого цифрового «майнинга», то есть процесса добавления переводов в реестр биткоина. Кроме того, без должного правового регулирования остался процесс налогового режима при совершении сделок с криптовалютой.

Квинтэссенция правовой и социальной обусловленности использования компенсаторного подхода в современной законотворческой и правоприменительной деятельности заключается в нетипичности и экстрасложности задач, которые ставятся перед современной Россией. Так, в указе Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» (далее – Указ) среди целевых показателей, характеризующих достижение национальных целей к 2030 году, можно отметить повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет, вхождение Российской Федерации в число десяти ведущих стран мира по качеству общего образования, обеспечение темпа роста валового внутреннего продукта страны выше среднемирового. Крайне важно, чтобы подобные показатели шли в унисон социальной солидарности по их достижению. Такая гармоничность несовместима с идеей принуждения, которая, в том числе, расходится с компенсаторным подходом в современной законотворческой и правоприменительной деятельности. Ведь именно под влиянием гуманитарных ценностей феномен социальной солидарности, выражающийся, в частности, в обязанности государства обеспечивать правовую защиту и личную безопасность граждан, приобрел универсальный характер и стал восприниматься как «общенаучный факт». В этой связи заметим,

что в настоящее время наблюдается постепенное налаживание правового механизма по формированию единства интересов между государством, обществом и человеком. Именно парадигма солидаризма в правотворческой и правоприменительной деятельности выступает альтернативой жесткому давлению на проявления различных потребностей личности.

Как представляется, использование компенсаторного подхода должно приводить среди населения к росту когнитивных способностей, к осознанной оценке законотворческих нововведений и правоприменительных решений, а также к формированию доверия к закону. В свою очередь магистральный функционал правоприменительной практики должен аккумулироваться в сторону поддержания и укрепления коллективного сознания, лежащего в основе социальной солидарности о том, что принимаемые в своем большинстве правоприменительные решения выражают единство общественных интересов, задач и стандартов в сфере социального прогресса, укреплять идею о том, что мы живем в упорядоченной и безопасной среде. Полагаем, что так называемый гражданский активизм следует развивать в большинстве принимаемых правовых актов и практике их реализации. Причем пандемийные условия выступили масштабным опытом коллективной самоорганизации и проверки на прочность действия правовых предписаний. Именно здесь актуализировались личностно-ориентированные потребности человека и интерактивный способ регулирования его поведения.

В этой связи представляют интерес результаты опроса общественного мнения. Так, по данным ВЦИОМ, в апреле 2020 года 77 % опрошенных говорили, что волонтеры существенно помогают в условиях ковида [1]. Однако законотворческий «воз и ныне там». Например, федеральный закон от 11 августа 1995 года № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» до сих пор не отражает интерактивные формы волонтерской деятельности, виртуальные способы добровольчества. Например, ст. 17.1. «Права и обязанности добровольца (волонтера)» предусматривает исключительно физический контакт волонтера с гражданами. При этом нельзя не заметить, что согласно Указа одним из целевых показателей, характеризующих достижение национальных целей к 2030 году, выступает «увеличение доли граждан, занимающихся волонтерской (добровольческой) деятельностью или вовлеченных в деятельность волонтерских (добровольческих) организаций, до 15 процентов».

Кстати, своеобразный оксюморон можно наблюдать относительно такого нововведения в образовательную сферу как просвети-

тельская деятельность. Не вдаваясь в общеизвестную критику данного законодательного нововведения, лишь отметим, что по результатам исследования Левада-Центра 71 % россиян ничего не слышали о таком и только 23 % что-то слышали. Тогда как на вопрос об оценке данного нововведения 36 % опрошенных заявили, что оно направлено на усиление цензуры, 30 % – что закон нужен для борьбы с антироссийской пропагандой и 34 % затруднились ответить [6].

Данные примеры, с одной стороны, указывают на существенное нивелирование компенсаторного подхода в современной законотворческой и правоприменительной деятельности и отсутствие процесса выстраивания коммуникаций в системе «законодатель – общество – правоприменитель – человек», с другой – демонстрируют целесообразность формирования инновационных взглядов на развитие правотворческой деятельности, о чем уже упоминалось научной общественностью [7; с. 12-17].

Учет когнитивных особенностей личности проявляется и в регулировании общественных отношений, в структуре которых активным элементом выступают лица с ограниченными возможностями здоровья. К сожалению, приходится констатировать отставание правотворческой деятельности от реальных потребностей общества в закреплении, обеспечении и (или) соблюдении правового статуса данных лиц. Правоприменительная практика показывает, что так называемое инклюзивное право до сих пор находится в стадии формирования. Данной проблемой охвачены различные отрасли права – семейное, трудовое, уголовно-процессуальное etc. Особый научный интерес представляет уголовно-правовая, уголовно-процессуальная и уголовно-исполнительная области взаимодействия общества и государства, в плоскости которых лица с ограниченными возможностями здоровья выступают наиболее уязвимыми категориями граждан, степень защищенности которых в основном зависит от декларативных положений соответствующих правовых норм. Существующая правоприменительная практика показывает, что, например, реализация положений п. 3 ч. 1 ст. 51 УПК РФ не приводит к повсеместному и полному обеспечению прав обозначенных лиц [2]. Применительно к проблеме полноценного обеспечения прав лиц с ограниченными возможностями здоровья-участниками уголовного судопроизводства С.М. Курбатова справедливо отмечает, что уголовно-процессуальное законодательство «не содержит норм, которые бы на основе комплексного, системного подхода регулировали бы данную ситуацию» [4; с. 63]. Можно встретить существенные нарекания относительно эффективности правового регулирования и социально-психологического по-

ложения лиц с ограниченными возможностями здоровья в местах лишения свободы [3, 5].

Изложенный материал не претендует на «истину в последней инстанции», но демонстрирует актуальность поставленной проблемы и необходимость её дальнейшей теоретической проработки.

Список литературы

1. ВЦИОМ. Аналитический обзор «Волонтеры помогают пострадавшим от пандемии» от 13 апреля 2020 года. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volontery-pomogayut-postradavshim-otpandemii> (дата обращения 01.06.2021 г.).

2. Кострица, Я.А. О полноте отражения в статье 51 УПК РФ оснований и субъектов обеспечения обязательного участия защитника / Я.А. Кострица // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (78). С. 81-84.

3. Котова, Е.В. Социально-психологическое положение инвалидов в местах лишения свободы / Е.В. Котова // Человек. Общество. Инклюзия. 2018. № 4 (36). С. 76-85.

4. Курбатова, С.М. Некоторые особенности участия лиц с ограниченными возможностями в уголовном судопроизводстве / С.М. Курбатова // Уголовная политика в сфере обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и использования современных технологий: материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2021. С. 62-65.

5. Кус, А.М. Проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных инвалидов и пути их разрешения / А.М. Кус, О.Н. Ничуговская // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: Воронежский институт ФСИН России, 2016. С. 311-313.

6. Левада-Центр. Закон о просветительской деятельности. 12 апреля 2021 года. URL: <https://www.levada.ru/2021/04/12/zakon-o-prosvetitelskoj-deyatelnosti/>.

7. Тепляшин, И.В. Правовая инноватика: контуры исследования / И.В. Тепляшин // Российский юридический журнал. 2012. № 2 (83). С. 9-19.